

Невидимая стена

Анастасия Манакова

18+

Анастасия Манакова

Невидимая стена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72690607

SelfPub; 2025

Аннотация

Она следует правилам: вышла замуж, родила ребенка, создала «идеальную» семью. Но за этим фасадом скрывается иная реальность – тирания быта, молчаливое насилие и леденящее душу одиночество, которое не скрасить даже материнством.

Это история о медленном угасании. О том, как одно за другим рушатся все опоры, а крик о помощи тонет в безразличии самого близкого человека. Пустота семейной жизни и тотальное одиночество в браке становятся топливом для экзистенциального кризиса, который не оставляет камня на камне от ее личности. Куда заведет этот путь и есть ли у нее шанс на спасение?

Анастасия Манакова

Невидимая стена

Часть 1: Трещины

Глава 1: Музей прежней жизни

Проснулась я не сама. Мой сон оборвал резкий толчок в бок – это Аня, во сне перекатываясь, упёрлась в меня коленкой. Не больно, но безжалостно. Как будильник, у которого нет кнопки «отложить». Лежу с закрытыми глазами, пытаюсь нащупать остатки сна, обрывки сновидений, но там пусто. Только вакуум и ровный гул в ушах.

Из соседней комнаты уже доносится запах жареного хлеба – Виктор встал первым и готовит завтрак. Его утро – это чёткий алгоритм: душ, кофе, яичница, новости. Я должна вписаться в этот алгоритм. Открываю глаза. Потолок. Трещина на потолке, которую я изучаю уже триста шестьдесят пятое утро подряд. Она стала длиннее на полсантиметра. Или мне кажется?

Подъем. Тело тяжёлое, словно налитое песком. Подхожу к комоду, а там стоит эта коробка. Картонная, серая, с надписью «Мои университеты». Виктор вечно ворчит, что пора бы её выкинуть, что она пыль собирает. А я не могу. Это как выкинуть свидетельство о смерти того человека, которым я была когда-то.

Рука сама тянется, откидывает крышку. Вот она, та де-

вушка. Загорелая, с растрёпанными волосами, сидит на камне где-то в Карпатах и смеётся, зажмурившись от солнца. Я всматриваюсь в её лицо, пытаюсь вспомнить, о чем она смеётся. Не могу. Между мной и ею – звуконепроницаемое стекло. Я вижу картинку, но не чувствую эмоцию. Эта девушка – незнакомка. У неё мои глаза, но в них горит какой-то огонь. У меня его давно нет. Его задули пелёнки, готовка и этот вечный, нескончаемый быт.

– Мама! Пи-и-ить! – крик срывает меня с места. Коробка с грохотом падает на пол, фотографии рассыпаются по полу. Сердце колотится где-то в горле.

– Несильно ударились? Молодец, сейчас мама воду принесет, – говорю я ровным, убаюкивающим голосом, который включается сам собой. Это мой «рабочий» голос. Он не имеет ничего общего с тем, что творится у меня внутри.

Несу воду. Аня пьёт, жадно причмокивая. Я смотрю на ее влажные ресницы и чувствую... ничего. Пустоту. И тут же накатывает волна чудовищной вины. Нормальные матери смотрят на своих детей и тают от нежности. А я – как смотритель в зоопарке, который день за днём наблюдает за милым, но очень требовательным и шумным зверьком. Я должна его кормить, поить, убирать за ним. Но он не мой. Или мой? Я запуталась.

На кухне Виктор доедает яичницу. Он свежий, бодрый, пахнет дорогим гелем после бритья.

– Ключи не видела? – бросает он, не отрываясь от теле-

фона.

– На тумбе в прихожей, – отвечаю я. Это наш стандартный диалог. Как мантра.

Он кивает, дочитывает что-то. Я стою у раковины, мою сковородку. Горячая вода, пар. За окном – воробей. Одинокий, нелепый, он скачет по подоконнику соседнего дома. И я замираю. Всего на секунду. Я смотрю на него и чувствую дикую, животную зависть. Он может улететь. Куда угодно. А я прикована к этой раковине, к этой сковородке, к этому дню, который будет точь-в-точь как вчерашний.

– Я сегодня, наверное, схожу с ума, – говорю я вслух. Тихо, почти шепотом. Я не планировала этого говорить. Это вырвалось само.

Виктор поднимает на меня взгляд. Не понимающий, а скорее раздраженный.

– Опять? Маргарита, хватит истерик. У всех тяжело. У меня, между прочим, сегодня совещание с инвесторами, мне бы твои проблемы.

Он не злой. Он просто не понимает. Для него моё заявление – как если бы я сказала, что вижу в углу розового единорога. Неприятная блажь, которую лучше игнорировать.

Он уходит. Щелчок замка. Тишина. Такая оглушительная, что в ушах снова начинает звенеть. Я остаюсь одна. В своём музее. Где экспонаты – это осколки моей прошлой жизни, а зритель – я сама, которая потихоньку забывает, что все это значит.

Я подхожу к окну, касаюсь лбом холодного стекла. Где-то там та жизнь, движение, люди. А здесь, внутри – я. И тихий, нарастающий звон безумия, которое началось не с крика, а с этой оглушительной, всепоглощающей тишины.

Глава 2: География четырёх стен

Если бы мой мир можно было бы нарисовать на карте, он был бы круглым. И очень тесным. Кухня – детская – гостиная – прихожая – снова кухня. Иногда, в дни больших подвигов, мы совершаем рискованную вылазку в песочницу во дворе. Но и там та же картина, только в другом каменном мешке.

Мой день – это не последовательность событий. Это цикл. Бесконечный, замкнутый круг, по которому я хожу, как белка в колесе. Каждое утро я просыпаюсь на одном и том же витке.

Сейчас, например, я стою у плиты. Варю кашу. Овсянка. Она шипит и пузырится, и каждый пузырь лопается с одним и тем же влажным звуком. Я смотрю на неё и думаю, что мы с ней очень похожи. Такая же серая, клейкая масса, которую все едят, потому что надо.

Аня сидит на своём высоком стуле и стучит ложкой по столу. Тук-тук-тук. Ровно, монотонно. Этот звук врезается в виски. Я уже не слышу его, я чувствую его физически, как будто кто-то сверлит мой череп изнутри.

– Мама, смотри! – она бросила ложку на пол. Всплеск молока и капли каши на только что вымытом кафеле.

Во мне что-то вздрагивает и обрывается. Маленькая

смерть. Одна из сотен, что случаются за день.

– Не бросай, – говорю я. Голос плоский, без эмоций. Я уже не могу заставить себя изображать педагогическое возмущение. Я просто нагибаюсь, поднимаю ложку, мою её. Механизм. Чищу, мою, убираю. Снова.

Потом будет прогулка. Одевание – это отдельный квест на выживание. Она выгибается, кричит «не буду эту шапку!», а я чувствую, как капля пота скатывается по спине. На улице мы сидим на одном и том же месте. Я смотрю, как Аня копает песок той же синей лопаткой, а мой взгляд скользит по знакомым до тошноты деталям: трещина в бордюре, граффити на стене, сломанная качеля. Я могу описать этот двор с закрытыми глазами. Эта мысль повергает в ужас. Я знаю наизусть не стихи Пушкина, а рисунок на обоях в прихожей. Я провела пальцем по его изгибам тысячу раз, следуя по маршруту от кухни к детской.

Сегодня я попробовала бунтовать. Небольшой, тихий. После обеда, уложив Аню спать, я не стала мыть посуду. Не стала раскладывать игрушки по коробкам. Я прошла в гостиную и села на пол. Посередине комнаты. Просто села. Поджала ноги и смотрела в окно на облако. Оно было похоже на корабль. Я пыталась вспомнить, когда в последний раз просто смотрела на облака. Не думая о том, что надо бежать, готовить, убирать.

Это длилось минуты три. Потом мой взгляд упал на пыль на телевизоре. Потом на мятый ковёр. Тревога подползла

сзади, бесшумно, и впиалась когтями в шею. «Ты ничего не делаешь. Ты тратишь время впустую. Беги, крутись, будь полезной!»

Я встала. Бунт был подавлен. Внутренним надзирателем, которого я сама же и создала. Я протерла пыль. Пропылесосила ковёр. И снова села у окна, но теперь уже с телефоном в руках, листая ленту соцсетей, где другие такие же, как я, матери выкладывали идеальные фото своих идеальных детей в идеально чистых домах. Я смотрела на эти картинки и думала: они тоже все это чувствуют? Или я одна такая сломанная? Одна на всей планете?

Вечером пришел Виктор. Он поцеловал меня в щеку, пахнущую улицей и свободой.

– Как день? – стандартный вопрос.

Я посмотрела на него. Я могла бы сказать: «Сегодня я сидела на полу и смотрела в окно, и мне показалось, что я медленно растворяюсь, становясь частью этой пыли на телевизоре».

Но я сказала: «Ничего. Гуляли. Кашу плохо ела».

Он кивнул, вполне удовлетворённый. Для него «ничего» – это лучший ответ. Означает, что все в порядке. Никаких происшествий. Никаких дыр в реальности.

А я иду мыть посуду. Смотрю, как жир с тарелок растворяется в горячей воде, и думаю, что мой бунт закончился, даже не начавшись. Я не прикована к дому цепями. Я прикована к нему чувством долга, вины и этой ужасающей, абсолют-

ной географической предопределенности. Моя вселенная – это четыре стены. И похоже, выход из неё только один.

Глава 3: Зоопарк в голове

Сегодня случилось непоправимое. Не землетрясение, не пожар. Нечто гораздо более чудовищное.

Я сидела на полу в детской и пыталась, уже в сотый раз, собрать эту дурацкую пирамидку. Аня требовательно тыкала пальчиком в кольца, её лицо было сосредоточенным и таким прекрасным, что на мгновение сердце сжалось от какой-то забытой, нежной боли. Но потом она снова начала капризничать, потому что красное кольцо не хотело лезть на синее. Её тонкий, пронзительный визг, похожий на звук бормашины, вошёл в висок и застрял там.

И тут я это почувствовала. Не раздражение. Не усталость. Это было физическое, почти животное желание. Желание закричать. Не просто повысить голос, а издать протяжный, горловой вопль, который разорвёт эту сладкую, удушливую вату повседневности. Руки сами сжались в кулаки, ногти впились в ладони так, что остались белые, а затем и красные полосы. Я сжала челюсти до хруста, сдерживая этот вопль, этот ураган, который рвался из меня.

Внутри все кричало: «ЗАТКНИСЬ! ПРЕКРАТИ! ОСТАВЬ МЕНЯ В ПОКОЕ!»

Длилось это всего секунду. Может, две. Но за эти секунды я увидела себя со стороны: сумасшедшая женщина с бешеными глазами, готовая накричать на собственного ребёнка.

ка из-за игрушечной пирамидки. Ужас, холодный и липкий, пополз по спине. Я отшатнулась от самой себя.

– Молодец, у тебя почти получилось, – выдавила я, и голос мой прозвучал хрипло и неестественно. Я взяла пирамидку дрожащими руками и с силой надела кольца на стержень. Аня, удивлённая внезапной уступчивостью, тут же потеряла к ней интерес и поползла к куклам.

А я осталась сидеть на полу, вся дрожа, как после удара током. «Я – чудовище. Нормальные матери так не чувствуют. Нормальные матери терпеливы и добры. Они не мечтают раскричаться на своих детей». Чувство вины накатило такой тяжёлой, свинцовой волной, что мне стало трудно дышать. Чтобы его заглушить, я начала лихорадочно убирать. Стала складывать разбросанные кубики, с таким усердием, будто от этого зависела моя жизнь. Может, так оно и было.

Позже, пока Аня смотрела мультики, я украдкой залезла в интернет. В поисковой строке я с оглядкой набрала: «злюсь на своего ребёнка», «материнское выгорание», «почему я плохая мать». Меня вырвало в форумы, заполненные такими же, как я. Женщины, прячущиеся за анонимными никами, писали те же слова, что крутились у меня в голове. «Иногда мне хочется его шлёпнуть», «Я кричу на него, а потом рыдаю в ванной», «Я чувствую себя в ловушке».

Я жадно читала их исповеди. И мне стало... легче. Не хорошо. Не оправданно. Но уже не так одиноко. Я не одна такая сломанная. Нас много. Целая армия матерей-неудачниц,

притворяющихся нормальными в соцсетях и сходящих с ума в тишине своих квартир.

Но облегчение было недолгим. Потому что следом пришёл страх. А что, если это не просто «выгорание»? Что, если это что-то серьёзное? Что-то необратимое? Я вспомнила, как вчера, разговаривая с Виктором, на полуслове забыла, о чем говорю. Просто выпала на несколько секунд. Комната поплыла, звук стал приглушённым, как под водой. Я стояла и смотрела на его движущиеся губы, не понимая смысла.

Я закрыла вкладку с форумом, стёрла историю браузера. Нельзя, чтобы Виктор увидел. Он не поймёт. Он скажет: «Опять ты накручиваешь себя этими дурацкими форумами».

Вечером, укладывая Аню, я была образцовой матерью. Читала сказку нараспев, нежно гладила её по спинке, целовала в макушку. Я играла роль Матери с большой буквы. И каждый мой ласковый жест был молчаливым искуплением того ужаса, который я испытала днём. Я заслужила ее любовь обманом. Я – самозванка в собственной жизни.

Когда она наконец уснула, я вышла из комнаты и прислонилась лбом к прохладной стене в коридоре. Тишина. Та самая, которую я так жаждала днем, теперь давила на уши. Внутри все ещё стоял тот несостоявшийся крик. Ком в горле, который не проглотить.

Я снова полезла в интернет. На этот раз запрос был другим: «потеря реальности», «деперсонализация», «тревожное

расстройство симптома».

Я читала, и холодный пот выступил на спине. Все сходилось. Ощущение нереальности происходящего. Эмоциональное онемение, сменяющееся приступами паники. Раздражение на звуки. Чувство, что ты наблюдаешь за своей жизнью со стороны.

Я отбросила телефон. Он мягко шлепнулся о диван. Во рту пересохло. Это уже не просто усталость. Это что-то большее. Что-то, что живёт во мне и медленно, по миллиметру, пожирает меня изнутри.

Я подошла к зеркалу в прихожей. Посмотрела на своё отражение. Бледное лицо. Слишком большие глаза с тёмными кругами под ними. Это я? Та самая девушка с фотографии из коробки? Та, что смеялась в Карпатах?

Я медленно поднесла руку к зеркалу, коснулась холодного стекла. Отражение повторило моё движение. Но я поймала себя на мысли, что между мной и этим отражением – пропасть. Я здесь, а та женщина в зеркале – всего лишь красивая, но пустая оболочка. Сквозная.

И самое страшное было в том, что я не знала, какая из нас настоящая. Та, что сжимала кулаки от злости на ребёнка днём? Или та, что нежно пела колыбельную вечером? Или, может быть, настоящая я – это та, что смотрит сейчас из-за глаз этой уставшей женщины и медленно, но верно, сходит с ума?

Я отвернулась от зеркала. Ответа не было. Была только

тишина, звенящая в ушах, и растущий, неподдельный ужас от осознания простой истины: трещина прошла не по стене. Она прошла по мне. И с каждым днём она становится все глубже.

Глава 4: Первая попытка сигнала SOS

Сегодня я решилась. Решилась на разговор. Не на стон, не на жалобу, брошенную в пространство, а на настоящий, взрослый разговор. Я составила план, как для боевой операции. Подготовила плацдарм.

С утра, сквозь привычное оцепенение, я цеплялась за эту мысль, как утопающий за соломинку. «Сегодня вечером я все скажу. Он же должен понять. Он же любит меня». Эта мысль грела меня изнутри, давала силы пережить разлитый сок, третий подряд мультик про свинку Пеппу и бесконечное «мам, мам, мам».

Я действовала по плану:

1. Идеальный ужин. Приготовила его любимые сырные крокеты. Те самые, с хрустящей корочкой, на которые уходит больше часа. Я лепила их, отмывая руки от липкого теста, и представляла, как его лицо озарится улыбкой. Как он поймёт, что я старалась. Что это – знак.

2. Идеальная чистота. Пока крокеты жарились, я протёрла все поверхности, пропылесосила, разложила по полочкам разбросанные журналы. Чтобы ничего не отвлекало. Чтобы он видел – я держусь. Я не разваливаюсь. Просто мне нужна помощь.

3. Идеальный ребёнок. Аню я уложила на полчаса раньше. Читала сказку тихим, убаюкивающим голосом, хотя внутри все дрожало от нетерпения и страха. Когда её дыхание стало ровным, я выдохнула. Поле битвы было подготовлено.

Он пришел. Усталый, но довольный крокетами.

– Неплохо, – сказал он, и от этой скупой похвалы у меня защемило сердце. Вот сейчас. Сейчас или никогда.

Я села напротив, сцепила руки под столом, чтобы он не видел, как они трясутся.

– Витя, нам нужно поговорить.

Он поднял на меня взгляд, оторвавшись от телефона, где он просматривал новости. В его глазах я прочитала не интерес, а лёгкую настороженность. Предвкушение проблемы.

– Говори. Я слушаю.

Глоток воды. Слова, которые я репетировала весь день, вдруг разбежались, как тараканы.

– Я... я не справляюсь. Мне кажется, я в ловушке. – Голос прозвучал слабо и жалобно. Не так, как я хотела.

Он вздохнул. Тот самый, терпеливо-снисходительный вздох, от которого сжимается все внутри.

– Рита, мы уже говорили об этом. У всех так. Это просто рутина. Тебе нужно отвлечься. Съезди к маме на выходные.

– Это не просто рутина! – голос мой дрогнул, сдавленный слезами, которые я не позволяла себе пролить. – Это невыносимо! Мне кажется, я... я схожу с ума. По-настоящему.

Он отодвинул тарелку, его лицо стало серьёзным. На се-

кунду я подумала – вот оно, сейчас он поймёт.

– Знаешь что, – сказал он деловым тоном, как на совещании. – Это классические признаки эмоционального выгорания. Ты слишком много времени проводишь в четырёх стенах. Ты не развиваешься. Нужно найти хобби. Запишись на йогу. Или, я не знаю, на курсы вязания. Вышивай крестиком, в конце концов!

«Вышивай крестиком». Эти слова прозвучали как приговор. Он не услышал ни слова. Ни «ловушка», ни «схожу с ума». Он услышал «мне скучно» и прописал мне интеллектуальное занятие в виде вязания.

– Йога не поможет, когда тебе кажется, что ты растворяешься! – выдохнула я, уже почти не надеясь. – Когда ты смотришь на своего ребёнка и чувствуешь только раздражение и пустоту!

Его лицо исказилось от неприятия. Я перешла какую-то черту. Затронула что-то священное.

– Хватит, Рита! Хватит истерик! – его голос зазвенел, и я инстинктивно отпрянула. – У нас есть все, о чем можно мечтать! Дом, ребенок, стабильность! У меня работа, я устаю, но я не устраиваю драмы! Чего тебе ещё надо?!

«Чего тебе ещё надо?» Этот вопрос повис в воздухе, тяжёлый и ядовитый. Самый страшный вопрос, который только можно задать тому, кто тонет. Он означал: «Твоя боль нелепа. Твои страдания – плод твоего воображения. Ты – неблагодарная эгоистка».

Я смотрела на него и не видела в его глазах ничего, кроме искреннего непонимания и раздражения. Не было ни капли сочувствия. Ни капли желания вникнуть. Для него мир черно-белый. И моё безумие в его палитру не входило.

Я больше не сказала ни слова. Что я могла сказать? Объяснить, что сырные крокеты – это мой крик о помощи? Что идеальная чистота – это последний оплот моего контроля над рушащимся миром?

Он встал, положил руку мне на плечо. Жест был формальным, как похлопывание по плечу подчинённого.

– Все будет хорошо. Просто выспись. И не читай больше эти свои дурацкие форумы.

Он ушёл в кабинет. Щелчок замка за его спиной прозвучал громче, чем хлопок входной двери.

Я осталась сидеть за столом. Передо мной стояла его тарелка с жирными пятнами от крокетов. Моя операция «Спасение» провалилась. Не просто провалилась – её даже не поняли. Мой сигнал SOS упёрся в глухую, непробиваемую стену его благополучия.

Я медленно поднялась и пошла мыть посуду. Горячая вода обжигала кожу, но я почти не чувствовала боли. Внутри была только ледяная, тотальная пустота. Тишина после боя, который не состоялся.

Я поняла. Поняла самую ужасную вещь. Он не мой враг. Он просто живёт в другой реальности. В реальности, где проблемы решаются йогой и вышиванием крестиком. А я оста-

юсь здесь, одна, в своей реальности, где трещины проходят по душам, а не по стенам.

И чтобы сохранить мир, чтобы не видеть этого раздражения в его глазах, мне придётся замолчать. Запечатать свой ужас поглубже. Надеть маму уставшей, но справляющейся женщины еще плотнее.

Я выключила воду. В тишине квартиры было слышно, как в кабинете за стеной щелкает компьютерная мышь. Он жил своей жизнью. А я осталась со своей. И пропасть между нами была теперь не просто метафорой. Она стала осязаемой, как холод кафеля под босыми ногами.

Глава 5: Ночные диалоги с тараканами

День наконец-то умер. Его похоронили под слоем вымытой посуды, разложенных по полочкам игрушек и дежурных улыбок, которые я раздавала Виктору и Ане. Теперь наступало моё время. Ночной дозор.

Я не спала. Сон был капитуляцией, согласием прожить ещё один такой же день. А я не была согласна. Моя настоящая жизнь начиналась с последним щелчком выключателя в коридоре и ровным, мерным дыханием Виктора из спальни. Тогда я выходила из своего укрытия. Из тела уставшей жены и матери.

Мои ночи были не бессонницей. Это был осознанный выбор. Ритуал.

Первым делом – чай. Я заваривала крепкий чёрный, почти горький. Он не успокаивал, как предательская ромашка. Нет,

он бодрил нервы, точил восприятие, заставлял чувствовать каждую трещину на своей душе. Я пила его, сидя на полу в гостиной, в полной темноте, освещённая только мерцающим синим светом экрана ноутбука.

Потом я открывала старую папку на облаке. «Мои университеты». Там не было дипломов. Там была я. Настоящая. Фотографии с той самой поездки в Карпаты. Я там смеюсь, закинув голову, а ветер растрепал мои волосы в безумную, прекрасную гриву. Я почти не помнила ощущений от того ветра. Но я видела огонь в глазах у той девушки. Он слепил и обжигал. Это был взгляд человека, который верит, что весь мир лежит у его ног.

Я перечитывала свои старые стихи. Глупые, наивные, пахнувшие юностью, дешёвым вином и бессонными ночами в общаге. В них была жизнь. Настоящая, бьющая через край, с её восторгами и отчаяниями. Сейчас во мне был вакуум. Я делала глоток горького чая и закрывала папку. Ритуал завершён. Напоминание о том, что было, и безжалостная констатация того, чего больше нет.

Затем наступало время моего тайного мира. Я захожу в него через фейковый аккаунт. «Ночная_Стража» – мой псевдоним. В этой сети я не мать, не жена. Я – призрак, который делится своими видениями.

Сегодня я написала: «Моё безумие имеет вкус. Вкус металла и пепла. Оно имеет звук – это тихий, высокий звон в ушах, который заглушает все остальные шумы мира. И оно

имеет ритуал. Сегодня ночью я поливала аспидистру. Я поливала её медленно, целясь струёй точно под корень, и думала о том, как просто залить её до смерти. Слишком много любви – и растение гибнет. Слишком много заботы. Ирония.»

Я не ждала ответов. Но они приходили. От таких же, как я. Ночных призраков.

«Стража, мое безумие пахнет старым парфюмом моей матери. Я открываю флакон и нюхаю его, когда становится невыносимо. Он пахнет надеждой, которую я когда-то имела.»

«А моё имеет текстуру. Оно похоже на колючую проволоку, которую я ношу внутри грудной клетки. Каждый вдох – это боль. Каждый выдох – облегчение, что он закончился.»

Мы были тайным обществом неудачников. Тех, кто не справился. Кто сломался под весом «нормальной» жизни. Мы не давали друг другу советов. Мы просто свидетельствовали. «Я здесь. Я тоже это чувствую. Ты не одна.» Это была единственная правда, в которой я могла быть уверена.

Но даже здесь, в этой цифровой исповедальне, я не могла быть до конца честной. Я не писала о том, что планирую. О том, что решение уже созрело и ждёт своего часа, как спелый плод, готовый упасть с ветки. Это был мой единственный, последний секрет. Моё единственное преимущество перед этим миром.

Иногда я просто ходила. Бесшумно, как тень, скользя бо-

сиком по холодному ламинату. Из комнаты в комнату. Я подходила к кровати Ани. Смотрела на её спящее лицо, разметавшиеся по подушке волосы. Я не чувствовала ничего, кроме давящей, каменной тяжести. Это не была любовь. Это была ответственность, которая тянула ко дну, как якорь, прикованный к моей лодыжке. Я не могла взять ее с собой. Туда, куда я собиралась.

Подходила к двери спальни. Слушала, как храпит Виктор. Этот звук когда-то раздражал меня. Сейчас он был безразличен, как шум холодильника или гул машин за окном. Он жил в своём мире. Я – в своём. Наши вселенные больше не пересекались. Мы были двумя параллельными прямыми, обречёнными вечно смотреть друг на друга, но никогда не встретиться.

Внезапно – крик. Не из блога. Из реальности. Тонкий, пронзительный, леденящий душу. Аня.

Моё тело срывается с места само, до того, как мозг успевает отдать команду. Автопилот. Я уже в детской, наклоняюсь над кроватью. Она мечется в полусне, лицо мокрое от слез.

«Мама здесь, мама здесь», – бормочу я заклинание, поднимая ее. Тёплое, дрожащее тельце прижимается ко мне. И тут это приходит.

Волна. Не усталости. Не раздражения. Чистой, неразбавленной ярости. Она накатывает из глубин, горячая и густая, как лава. Она сжигает все на своём пути – и нежность, и жалость, и материнский инстинкт. Руки сами сжимаются, впи-

ваясь в её пижамку. В горле встаёт тот самый, несостоявшийся днём крик. Я чувствую, как мышцы живота напрягаются, готовые вытолкнуть его наружу – оглушительный, ужасающий рёв.

Я закусываю губу до крови. Боль, острая и реальная, на секунду пронзает туман безумия. Я качаю её, из стороны в сторону, механически, как заведённая кукла. «Тихо-тихо, все хорошо, мама здесь». Голос – ледяной и абсолютно чужой. Я смотрю на её мокрые ресницы, на доверчиво приоткрытый ротик, и меня охватывает такой ужас перед самой собой, что ноги подкашиваются.

Кто эта тварь, что может злиться на маленького, испуганного ребёнка? Кто эта женщина, которая держит свою дочь и думает не «я тебя люблю», а «замолчи, пожалуйста, замолчи, или я взорвусь»?

Через несколько минут она успокаивается, её дыхание выравнилось.

Перед рассветом я возвращалась на свой пост. К окну в гостиной. Я смотрела, как чернота ночи постепенно разбавлялась грязно-серыми тонами. Я ненавидела рассвет. Он был как поднятие занавеса перед спектаклем, в котором я больше не хотела играть. Он знаменовал начало нового дня, который будет точной копией вчерашнего. Ещё один день в стеклянном колпаке.

Но в этой ненависти было и странное, извращённое спокойствие. Потому что я знала – их осталось немного. Я не

знала, какой день станет последним. Но я знала, что он близок. Я чувствовала его приближение, как животное чувствует грозу.

Я сидела и ждала. Не сна. Не утра. Я ждала того момента, когда хватит сил и решимости привести своё решение в исполнение. Оно зрело во мне, как новая, паразитическая жизнь, медленная, неумолимая и неизбежная.

Ночной дозор подходил к концу. Свет за окном становился ярче, безжалостно прорисовывая контуры знакомой до тошноты комнаты. Я закрывала ноутбук. Стирала историю браузера. Возвращалась в постель, к телу спящего мужа. Ложилась и закрывала глаза, изображая сон.

Снаружи – начинался новый день. А внутри меня – все та же ночь. Глубокая, беспросветная, и такая, какой она будет длиться вечно. Или до того самого момента, когда я решу погасить в себе последний источник света.

Часть 2: Обвал

Глава 6: Стекланный колпак

Сегодня со мной произошло нечто странное. Я стояла на кухне и мыла посуду. Горячая вода, пена, скользкая тарелка в руках. И вдруг я... выключилась.

Я не потеряла сознание. Нет. Я просто перестала быть внутри себя. Я наблюдала. Со стороны. Я видела спину этой женщины, склонившейся над раковиной. Видела, как её плечи напряжены, как она моет одну и ту же тарелку с неестественной, заторможенной тщательностью. Я видела кухню,

но не чувствовала её запахов. Видела пар от воды, но не чувствовала его тепла. Слышала, как где-то вдалеке, будто из другого измерения, доносится голос мужа: «Рита, ты слышишь меня?»

Эта женщина не ответила. Она просто продолжала мыть тарелку. А я, настоящая я, наблюдала за ней из какого-то тёмного угла под потолком и думала: «Кто эта зомби? И почему она живёт моей жизнью?»

Это длилось недолго. Может, минуту. Может, пять. Но когда я «вернулась», в руках все ещё была та же тарелка, вода все так же текла, а сердце билось где-то в горле, часто-часто, как у загнанного зверька. Это был не сон. Это было хуже. Это было ощущение, что я теряю опору. Что связь между моим мозгом и моим телом становится все более призрачной.

С тех пор это стало случаться все чаще. Я иду по квартире, и вдруг моё сознание как будто «от стыковывается». Я вижу свои руки, ноги, но они кажутся чужими, марионеточными. Я слышу свой голос, отвечающий мужу или ребёнку, и думаю: «Кто это сказал? Это не я. Я где-то здесь, внутри, за стеклянной стеной».

Зеркала стали моими личными врагами. Я подхожу к нему, чтобы поправить волосы, и вздрагиваю. Там живёт незнакомка. У неё мои глаза, но они пустые, как у выпотрошенной рыбы. У неё моё лицо, но на нем маска усталости, натянутая на череп. Иногда я подношу руку к стеклу и касаюсь своего отражения, ожидая, что оно будет холодным и

твёрдым. Оно и есть таким. Я не чувствую ничего.

Сегодня утром я не могла вспомнить, как чистить зубы. Серьёзно. Я стояла в ванной с щёткой в одной руке и пастой в другой и смотрела на них, как обезьяна на гранату. Мой мозг выдавал ошибку 404. Процедура не найдена. В голове была лишь белая, ревущая пустота. В конце концов, какая-то автопилотная программа всё-таки запустилась, и я сделала это, но осадок остался. Глубокий, липкий страх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.